

Теперь так сразу и не вспомнишь, что такое телеспектакль. Слишком давно телевидение не то что не снимало — не показывало даже те спектакли, которые благополучно были сняты еще в советское время. А ведь у российского телевидения в этом смысле опыт самый достойный и богатый. «Ханума», «Дядя Ваня», «Маскарад»... Эфрос, Товстоногов, Козаков... Недавно, верно, показывали что-то вроде телеспектакля с участием неких не то политиков, не то актеров, но хоть лично мне понятие «талант» нравится больше понятия «профессионализм», но когда нет ни того, ни другого, то пусть будет хотя бы профессионализм. Во всяком случае профессионализм в любой области и на сцену ни за какие пряники не полезет.

Современные мастера театра (надо ли говорить — «талантливые»?) совсем не прочь поработать для телезрителей. Один из них — Константин Аркадьевич Райкин. Именно его спектаклем «Такие свободные бабочки» открывается театральный сезон в программе «Театр плюс ТВ» на РТР. Лиха беда начало — видимо, не за горами и возрождение любимого многими жанра телеспектакля.

— Куда делись телеспектакли? Ведь когда-то они занимали огромное место в культуре. Были такие мастера, как Эфрос...

— Дело в том, что само понятие «телеспектакль» сейчас исчезло. Их вообще нет. Дело в том, что при трансляции спектакля во время его «живого» исполнения из зрительного зала зрелище многое теряет. Театр не любит пленку. Человеческий глаз и объектив камеры устроены по-разному, камера не может передать того, что видит зритель. Сам по себе экран плоский, и спектакль получается «плоским».

— А спектакль, снятый в студии?

— А вот это совсем другое. Российское телевидение, по моему, вообще сделало в этой области больше, чем какое-либо другое. И вспоминать только Эфроса, которого вы упомянули, не совсем верно. Я считаю вершиной этого жанра «Игроков» Романа Виктюка. Вообще этот спектакль — лучшее, что сделал Виктюк за всю свою творческую жизнь.

— А на сцене этот же спектакль выглядел бы совсем по-другому?

— Безусловно! Ведь в телесериалах были использованы все возможности телевидения. И, возвращаясь к проекту Кати и Сережи (Сергея Варновского и Екатерины Уфимцевой. — Н. К.), «Театр плюс ТВ» в том виде, как он сейчас существует, — отнюдь не пик нашего сотрудничества. Я хочу поставить именно телеспектакль. Мы намеревались сделать это еще в прошлом году, да кризис помешал...

— А каким спектаклем вы хотели это осуществить?

Спектакль с доставкой на дом

Театральный сезон на РТР открылся 10 сентября спектаклем Константина Райкина «Такие свободные бабочки». Несмотря на использование некоторых телевизионных возможностей при съемке, это был все-таки не телеспектакль, а всего лишь прекрасно с технической точки зрения выполненная трансляция из театра. Зрители в зале вели себя вполне корректно и воспитанно, кашляли и хлопали мало, операторы направляли камеры исключительно на сцену, а не на зрительный ряд. И смотреть театральный спектакль, показываемый по телевизору, оказалось очень интересно.

— Есть интересный киевский драматург и актриса Мария Ладо. Она написала пьесу под названием «Волшебная флейта». Название рабочее: конечно, пьесу так называть нельзя, но поскольку речь идет о Моцарте, о той эпохе... Честно говоря, я сам хочу сыграть главную роль — Моцарта... Вот эта пьеса — именно для телестановки, потому что в ней есть несколько моментов, постановочных ходов, которые в театре просто-напросто невозможно осуществить. А на телевидении с его спецэффектами все получится.

— Ваш театральный сезон открывается 1 октября. Есть

что-нибудь необычное в планах?

— Я собираюсь ставить пьесу Ростана «Шантеклер». Эдмон Ростан — драматург, имя которого окружено какими-то ложными представлениями. Во-первых, почему-то существует устойчивое мнение, что он современник Сирано де Бержерака и тоже жил в семнадцатом веке. Между тем Ростан — драматург двадцатого века. «Сирано» написан всего сто лет назад. А «Шантеклер» — и вовсе

для Саша Белинский. Это театральный обозреватель, критик, улучшенный вариант Вульфа. И говорит: «Знаешь, из-за каких двух пьес твой папа остался бы в драматическом театре? Из-за «Ревизора» и «Шантеклера». Но «Шантеклер» не ставился в России да и вообще нигде с 1910 года. Сначала за пьесу схватились руками и ногами театры самых разных городов и стран — в Киеве, Тифлисе, Ростове-на-Дону, но постановки нигде не имели успеха. Во-первых, авторы постановок стремились к буквальному воплощению на сцене всех сложнейших условий этой пьесы. Декорации, костюмы, грим... Представьте себе — люди в перьях изображают птиц, соответственно все предметы птичьего обихода увеличиваются в размерах. Огромные насесты, корзинки... Актеры с трудом таскают огромные перья на себе, задыхаются от жары. Одна из актрис, изображавшая курицу-наседку, чуть не погибла, потому что ее забыли в корзине, а подняться из нее самостоятельно она не могла. Кроме того, сам Ростан постоянно во все вмешивался и требовал выполнения всех своих километровых авторских ремарок. Вплоть до росы, которую должно быть обязательно видно на траве. Никогда нельзя пускать авторов в театр! Лучше держать их от сцены подальше! В результате за всеми этими деревьями леса не увидели. И о пьесе почти забыли.

— А вы решили вспомнить...

— Пьеса-то интереснейшая! «Шантеклер» — это петушок. Петушок, который убежден в том, что именно он каждое утро поднимает солнце на небо. Каждое утро он добросовестно просыпается в определенный час и песней помогает солнцу занять свое ежедневное положение. Он настолько убежден в этом, что когда дама его сердца — фазанья курочка, приревновав любимого к заре, пускается на некоторые женские хитрости и делает так, что Шантеклер забывает об обязанностях перед зарей, но солнце благополучно восходит, он, пережив минуты страшного отчаяния, тут же находит выход и остается «при своих убеждениях», если говорить строго и скучно.

Пьеса о чем угодно — о поэте, о том, что нам важнее всего наша вера. Есть правда и истина, но истина нужна нам меньше, чем правда...

в 1910 году. В пьесе задеваются все приметы времени — телефоны, поезда шумят. Он просто очень хорошо чувствовал эпоху Сирано де Бержерака, Мольера... Но это не значит, что он был их современником. Кроме того, Ростан совершенно напрасно ассоциируется исключительно с историей о Сирано и его носе. «Шантеклер» — очень интересная, хотя и технически трудная для постановки, пьеса. Там нет ни одного человека, действующие лица — куры, петухи, утки, кролики.

С «Шантеклером» вообще произошла мистическая история. Звонит мне из Петербурга